

Семьдесят – это немного!...

К юбилею Игоря Квашы

Вера Максимова

Больше всего мне хочется, чтобы он написал книгу. О «Современнике», чью историю, которую он знает несравненно и детально, сегодня с непонятным упорством упрощают и искажают те же самые люди, что и историю советского МХАТа. Человек с трудным характером, избалованный славой, любовью друзей и близких, в общении с людьми – чуть-чуть сноб, как, впрочем, и большинство основателей «Современника». Отчаянный спорщик, чаще сумрачный, чем веселый; недоверчивый к похвалам, редко собой довольный, лучшими и добрыми, даже наивными сторонами души Игорь Кваша открывается среди друзей и любимых.

Но друзья в последние годы ушли. Умерли. Андрюша Мионов, с которым Кваша дружил радостно, общался без капли актерского соперничества; умер талантливый сатирик Аркадий Хайт, отъезд которого к сыну в Германию Кваша переживал как свою личную драму; ушел одаренный, благородный, добрый Гриша Горин. Можно представить ужас рыбка через пустынную предрассветную Москву, когда со страшной скоростью на машине они неслись – Игорь и жена Квашы – Таня, врач по профессии, к другу, чтобы помочь, спасти, но застали его уже мертвым.

Его поколение, главный человек его актерской судьбы – Олег Ефремов, Алики, Аля, Аль, как называл и называет его Кваша, с безоглядной щедростью тратили время жизни – на веселые пирушки и талантливых людей, на дружбу и любовь, разговоры до утра, и при этом успевали и сделали все, что предложила им судьба, случай, дарование.

Сын погибшего в московском ополчении отца – профессора и в одиночку растившей

его матери – учительницы, не имевший протекции, он без усилий прошел огромный конкурс в Училище им. Вл.И. Немировича-Данченко, оставался неизменным отличником, почетным стипендиатом все четыре года учебы, был принят во МХАТ, сыграл там первые роли и ушел вслед за Ефремовым в «Современник». В начальные годы Кваша стал одним из «мальчиков», которыми был особенно богат рождавшийся театр. Там работал рано вошедший в крутой вираж славы, безмерно одаренный Табаков. И чуть позже – отмеченный знаком погибельности, обманчиво хрупкий, беспощадный к мерзостям жизни умник – Олег Даль. Там был очаровательный,

простой и добрый – Владимир Земляникин, по таинственным причинам отставший в славе от своих знаменитых сверстников.

Миссией и назначением Квашы на первых порах было играть хорошее в своих юных героях. Он умел это делать не назидательно и скучно, а увлекательно, искренно, пылко и очень убедительно. Так, не воевавший, он сыграл невольного вестника несчастья, солдата Володю в розовских «Вечно живых». Годы и годы помнилось, как плакал юный солдат, рассказывая о гибели его спасителя и не зная, что говорит о сыне, внуке, брате, любимом в семье Бороздиных. Как с простодушной наивностью уговаривал труса и карьериста Марка не бо-

яться идти на войну, потому что там не страшно. Его бригадмилец Шурик в заурадной пьесе Зака и Кузнецова со стихами Григория Поженяна – «Два цве-

та» на модную в 60-е годы тему о добровольной помощи комсомола милиции, был «совершенно прекрасным человеком», который кинулся на крик слабого и погиб от бандитского ножа.

Как все настоящие современники, он умел играть правдиво и ясно, душевно глубоко. Чтобы ощутить, как играли актеры «Современника» поры его цветения, стоит посмотреть длинную-предлинную сцену – дуэт Рассказчика и Глумова в «Балалайкине и Ко», самую неэффективную в игровом, балаганном, пестром, шумном спектакле. (Постановка Георгия Товстоногова, восстановление Игоря Квашы и Валентина Гафта.) Ничего не происходит на сцене. Просто двое – Кваша и Гафт – сидят, закусывают, выпивают, беседуют между собой, заговаривая свой большой страх. Чистейшее действие словом, интонацией, редкими переменами ритма погружает зал в глубокую тишину вникания и внимания.

Но очень рано в молодом Кваше, как в Евстигнееве, Табакове, Волчке, других, проснулся дар, или инстинкт, или ген лицедейства и формотворчества, побудительный инстинкт к редкому тогда на нашей сцене живому и пережитому гротеску. Смешно и точно, не карикатурно, а подлинно художественно сыграл Кваша свой шедевр – старикашку-хитрюгу и льстеца Первого Министра в «Голом короле» Шварца. Преобразившись до неузнаваемости, в романтическом, не свойственном театру ключе с печальной иронией сыграл он Сирано де Бержерака, в завороченности меч-

рить с традицией, нарушать и даже отвергать ее... Кваша сыграл Луку вопреки известным рекомендациям автора. Не обманщиком, а добрым русским человеком. Странником и чистеньким, аккуратным, благообразным нищим. Тихим проповедником, неколебимо верующим в силу слова, побуждающим людей на поступок, на сопротивление судьбе. Как все современники, Кваша мог быть разнообразным, неожиданным, странным, успешным и неуспешным в своем деле, но никогда – циничным. Он умел играть лишь по своей «вере». Даже Свердлова в пьесе Шатрова «Большевики» – гуманным, интеллигентным, таким, каким по тогдашнему разумению артиста только и мог быть ленинец-революционер.

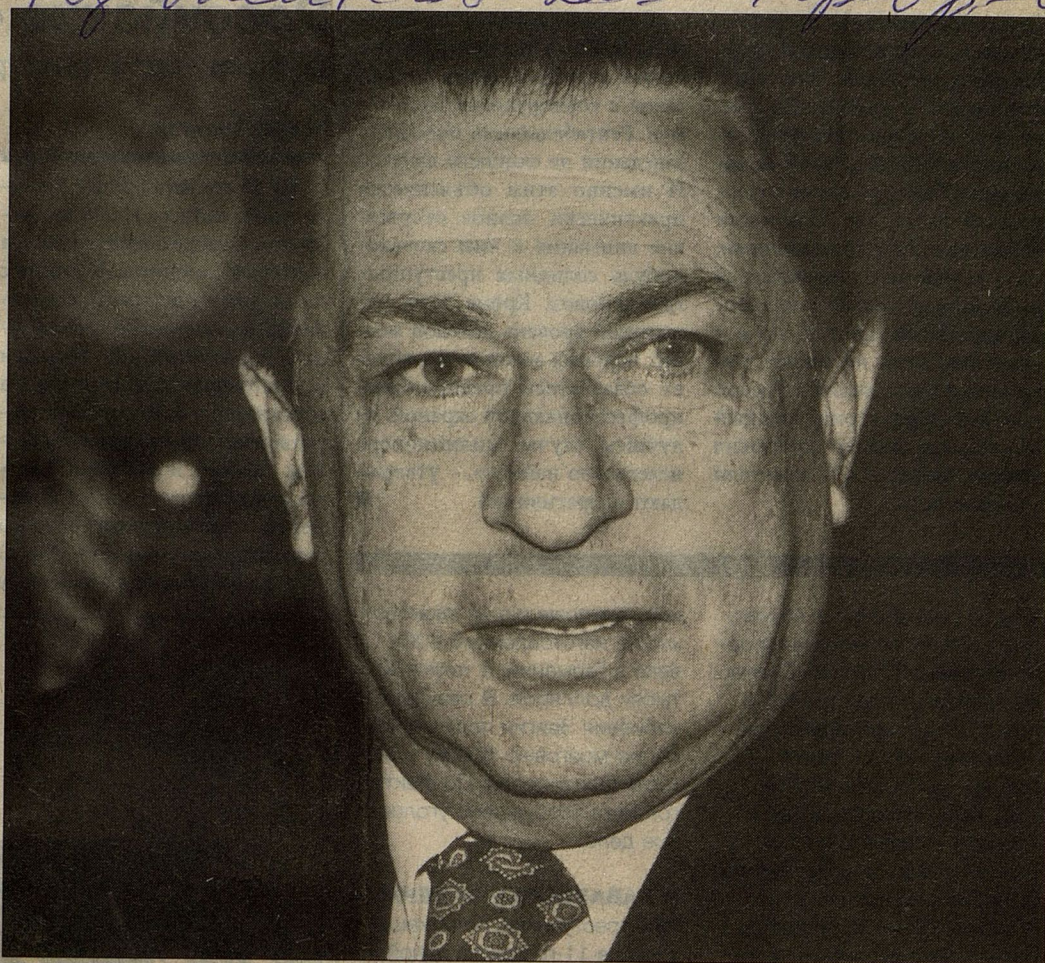
Чехов прочно вошел в его судьбу. По-новому и по-своему он сыграл Чебутыкина – не старым, не добрым, конечным, лишь изредка вспоминающим великую свою любовь к матери «трех сестер». Он сыграл Гаева благородным и благообразным, никчемным, горько чувствующим вину перед всеми. Знаменитая телепередача «Жди меня», в которой он пытается исправить человеческие несчастья, любимые внуки, семья – вот жизнь его души.

...Внуки не зовут его дедом или дедушкой, а только Игорем. И это не дань моде. Он им –

Кваша может быть неожиданным, странным, успешным и неуспешным, но никогда – циничным

той о недоступном, в великой аскезе любви. После горьковского Луки крупнейший критик шестидесятых годов назвала Квашу «лучшим актером» «Современника», где любили спо-

сверстник, ровня, любимый. На его имени они «опробовали» сначала картошку, а теперь раскатыстое, твердое, уверенное «Р»... Значит, как милые сестры, – будем жить, будем жить! ■

Лучшими сторонами души Игорь Кваша открывается для друзей и любимых.

Фото Артема Житенева (НГ-фото)